

УДК 81.23

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-130-137

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ПО ПРИЗНАКУ *МОЛОДОЙ – СТАРЫЙ* В ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Чупрына О. Г.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1., Российская Федерация

Аннотация.

Целью статьи является раскрытие закономерности обозначения людей по возрастной группе, к которой они принадлежат, в английском и русском языках.

Процедура и методы исследования. Материалом исследования являются данные этимологических и толковых словарей, а также корпусов английского и русского языков. Автор использует этимологический анализ, метод семантических оппозиций и рассматривает возрастные номинации в английском и русском языках в рамках когнитивного контекста.

Результаты проведённого исследования. Установлены семантические универсалии, которые определили семантическое развитие возрастных номинаций в английском и русском языках.

Теоретическая и практическая значимость состоит в том, что полученные результаты дополняют теорию языкового эйджизма и будут востребованы в создании учебных и методических пособий по данной проблеме.

Ключевые слова: возраст, эйджизм, когнитивный контекст, синхронно-диахронический подход, семантическая универсалия.

AGE NAMES BASED ON OPPOSITION ‘*YOUNG – OLD*’ IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES AND DISCOURSES

O. Chupryna

Moscow City University

4 build. 1 Vtoroi Selskokozyaistvenii proezd, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract.

The purpose of the author is to reveal characteristic features of words describing people in respect to the age group they belong to in Russian and English.

Methodology and Approach. Data from etymological and general dictionaries and English and Russian corpuses were subjected to the analysis. In the study/ synchronic-diachronic approach, method of semantic oppositions were used.

Results. Several semantic universals determining semantic development of age nominations in Russian and English have been singled out.

Theoretical and Practical implications. Method of semantic oppositions employed in the analysis can be a possible trend in ageism linguistic research.

Keywords: age, ageism, cognitive context, synchronic-diachronic approach, semantic universal.

Возраст как понятийная категория базируется на дихотомии *молодой – старый*, которая включает в себе основной объём понятия *возраст*. В ракурсе научного исследо-

вания, особый интерес представляют номинации людей в соответствии с разными возрастными границами, отображающими основные этапы их жизни. Как известно, возраст является понятием релевантным для всех сфер активности человека и всех областей научного знания. В предлагаемой статье предметом синхронно-диахронического анализа являются слова английского и русского языков, обозначающие людей по их принадлежности к определённой возрастной группе как к некоторой социокультурной категории. Представления о возрасте формируются внутри некоторой культурной традиции, но традиция не существует в полной изолированности от других культур, поэтому в языковых воплощениях этих представлений можно отыскать прототипический уровень смыслов и установить, вписывались ли эти семиологические воплощения в некую общую тенденцию семантического развития или эволюционировали как независимые, культурно замкнутые лексические комплексы. Как отмечают лингвисты, «одной из возможностей установления культурной памяти слов определённого языка является сопоставление слов с их эквивалентами в других языках, как в родственных, так и в не родственных» [1, с. 42]. Наименования людей по их возрасту важны с точки зрения того, какой признак лежит в основе их внутренней формы и каким образом отношения, формирующие широкий когнитивный контекст, отображаются в их семантике. Лингвисты нередко отмечают, что «культура любого народа тесно связана с его историей»¹, в силу этого обстоятельства возрастные номинации включаются в салиентный лингво-культурный пласт общества.

В основе исходной прототипической модели восприятия возраста во многих индо-европейских языках лежало представление о *жизненной силе*. Возраст принимали как движение этой силы от её

постепенного увеличения до угасания. Смысл *жизненная сила* содержался в семантике индо-европейского корня **áeu-* «жизненная сила, энергия»², к которому восходят англ. *young*, нем. *jung*, датск. *ung*, русск. юный, (да. *geong*, двн. *jung*, гот. *yuggs*, дисл. *ungr*).

По представлениям англо-саксов, наивысшая степень жизненной силы достигалась в середине жизни; именно этот смысл был заключён в семантике древнеанглийского слова *mid-feorh* «средний возраст» (*mid* < *middle* «середина» + *feorh* «жизнь, жизненная сила, дух»). В русском языке Средневековья фразой «възрастом середний» называли того, кто достиг расцвета сил, а слова *въкъ* и *мужь* «одинаково означали некую внутреннюю силу» [3, с. 83]. Слово *муж* как обозначение человека среднего возраста в это время довольно часто заменялось на *стербль*, *сръдовъкъ* или *средовичь* [3, с. 83]. Известный русский историк М. Погодин, описывая древнерусскую историю и летописи, о *средовиче* пишет как о человеке с полными силами, среднего возраста [5, с. 135]. Он также упоминает *средовиков*, т. е. людей среднего возраста [5, с. 492].

Как пишет Д. Митев, «в древности возрастная категоризация была ориентирована прежде всего на выражение эволюции мужской жизненной силы, т. е. являлась «андроцентричной» по преимуществу, хотя в ней находили место и (менее самостоятельные и чёткие) женские классификации фаз жизненного цикла» [4, с. 56]. В древнеанглийском языке маскулинный признак служил основой номинации молодого возраста: *geonga* и *geogling* «молодой человек, молодой мужчина» < *geong* «молодой»³. В средневеко-

¹ Елистратов В. С. Введение // *Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь*. М.: Русские словари, 1997. С. 3.

² Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch* [Электронный ресурс]. URL: <https://indoeuropean.info/pokorny-etymological-dictionary/whnjs.htm> (дата обращения: 08.10.2019).

³ См.: *An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth* [Электронный ресурс] / ed., enl. T. T. Northcote. Vol. 1–5. URL: <https://www.ling.upenn.edu> (дата обращения: 20.09.2019).

вой Англии молодость, молодой возраст означивался как салиентный признак мужчин, о чём свидетельствует существительное *geoguf* «молодые мужчины; молодость»; зрелый возраст получал отдельную номинацию и также объективировался в языке как значимая характеристика мужчин – *duguf* «зрелый возраст мужчин; зрелость»¹. В древнерусском языке, как пишет В. В. Колесов, в одном из письменных памятников XV в. приводятся возрастные номинации, образованные на основе андроцентричного признака, и отсутствуют женские возрастные обозначения: *младенець, дѣтииць, отроча, отрокъ, юноша, мужь, старець* [3, с. 83].

Возраст в контексте социальных отношений осмыслялся и оценивался как возможность и способность выполнять определённый вид деятельности. Возраст как социальную категорию можно представить как вектор, проецируемый на временную ось. Вектор молодого возраста соответствует направлению движения времени в линейной модели времени и потому имеет положительную оценку. Его начальная точка находится в нынешнем состоянии, а конечная – в будущем. Соответствие оси времени означает наличие потенциала для будущего. Несответствие вектора возраста временной оси, а именно наличие конечной точки в нынешнем состоянии, а начальной в прошлом, порождает отрицательную оценку старости как не имеющей потенциала для будущей активности. Сплетение смыслов *возраста* и характерной для этого возраста *деятельности* в древнеанглийском языке различимо в обозначениях мужчин разного возраста, например, *huse* «молодой человек-воин», т. е. человек, пригодный для военной службы, *wer* «мужчина, достигший возраста женитьбы или обручения», т. е. способный создать семью и

продолжить род. В древнерусском языке, например, слово *девица* значило «женщина, которая способна вскормить другого члена рода» [3, с. 85]. В Средние века, как отмечает М. Погодин, за невольника молодого возраста полагался бóльший выкуп, чем за человека среднего возраста [5, с. 135].

Функциональная предназначённость юного возраста – быть слугой – отражалась в значении таких древнеанглийских субстантивов, как *cild* «ребёнок, сын, слуга», *спара* «мальчик, слуга», *tagu* «ребёнок, сын, слуга», *wencel* «ребёнок, слуга»². Отличительной характеристикой наименований возраста только входящего в силу, но ещё бесправного человека, было то, что они «рано или поздно стали обозначать слугу или раба, подневольного человека» [3, с. 89]. Соединение смыслов *молодой возраст* и *подчинённое положение* прослеживается в семантике слов *younker* (заимствование из голландского языка: *jonker*) и *youngster*, которые были в ходу в английском языке XIX в. Оба существительных образовались как дериваты от приведённого выше индо-европейского корня **áeu-* и имели значения «молодой человек; низший морской чин»³. В русском языке упомянутый комплекс смыслов можно обнаружить в словах *юнга* (подросток, юный практикант на судне) < голл. *jong* «юный; мальчик» и *kajuitsjongen* «каютный юнга» и *юнкер* (воспитанник военно-учебного заведения) < голл. *jonker* «юноша»⁴. В русском языке только в XII в. «разрывается связь

¹ См.: An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth [Электронный ресурс] / ed., enl. T. T. Northcote. Vol. 1–5. URL: <https://www.ling.upenn.edu> (дата обращения: 20.09.2019).

² См.: An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth [Электронный ресурс] / ed., enl. T. T. Northcote. Vol. 1–5. URL: https://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_bosworthtoller_about.html (дата обращения: 20.09.2019).

³ См.: Younker // Merriam – Webster Dictionary of the English Language: [сайт]. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/8-old-words-for-young-people/younker> (дата обращения: 20.09.2019).

⁴ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х тт. Т. 2. М.: Рус. язык, 1993. С. 459.

понятия о ребёнке с понятием о рабе» [3, с. 88]. Связь представлений о юном или молодом возрасте и подчинённой социальной роли сохранялась в особенностях дискурсивного употребления слова *мальчик* в русском языке второй половины XIX – начала XX вв. Мальчик – «помощник мастерового, приказчика, купца» и, как пишет В. С. Елистратов, «наиболее притесняемый “персонаж” старомосковского (особенно – замоскворецкого) быта»¹. Субстантив *малый* служил общим названием «для любой прислуги мужского пола в московских домах с устоявшимся, “славянолюбивым” духом»². Исследователь приводит высказывание П. Боборыкина: «Нет официантов, выездных, камердинеров, буфетчиков, одни только “малые” и “молодцы”»³.

Древнеанглийские номинации возраста женщин не подразумевали возраст как континуум нескольких состояний, но группировались вокруг двух смыслов: *молодость* – *старость*. Молодость женщины определялась не количеством лет, а невинностью (*virgin*). Например, *mægy* “a girl, maid, virgin”, *mægden* “a girl, virgin”, *meówle* “a maid, virgin”. Женская старость репрезентировалась как утраченное состояние невинности: *iú-meówle* “one who was a maiden long ago, an old woman”⁴. Небезынтересно, что в древнерусском языке женские возрастные наименования также группировались вокруг смыслов *молодость* – *старость* и были представлены двумя словами: *дѣва* (молодая женщина) и *баба* (старая женщина). Слова *старуха*,

как пишет В. В. Колесов, в Древней Руси не было [3, с. 84].

Тот возраст, который не имел существенного значения «для хозяйственной жизни рода» [3, с. 86], не получал самостоятельного обозначения. Так, древнеанглийский адъектив *tearu* значил не только «нежный, мягкий», но и «молодой»⁵; этимологическое значение субстантивов *младенец* в русском языке и *младенец* в болгарском определяется как «мягкий, нежный, слабый» [4, с. 59]. Оппозиция *старый* / *крепкий* – *молодой* / *нежный, мягкий* как основа возрастной номинации была отмечена в анализе индоевропейского корня *stā- : *stā- (с r-формантом)⁶. К этому корню восходят прилагательные *stōr* «сильный, большой» в древнеанглийском языке и *starъ* «старый» в древнерусском⁷. К последнему относится субстантив *старый*, который «обозначал человека, имеющего силу, крепкого, большого. ... это старший в роде» [3, с. 89]⁸.

Древнеанглийское прилагательное *eald* значило «старый» и «большой, занимающий высокое положение», производный от него субстантив *ealdor* > совр. *elder* имел значение «старший, глава семьи, главный»⁹.

¹ Елистратов В. С. *Мальчик* // *Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь*. М.: Русские словари, 1997. С. 277.

² Елистратов В. С. *Малый* // *Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь*. М.: Русские словари, 1997. С. 277.

³ Там же.

⁴ См.: An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth [Электронный ресурс] / ed., enl. by T. T. Northcote. Vol. 1–5. URL: https://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_bosworthtoller_about.html (дата обращения: 20.09.2019).

⁵ См.: An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth [Электронный ресурс] / ed., enl. T. T. Northcote. Vol. 1–5. URL: https://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_bosworthtoller_about.html (дата обращения: 20.09.2019).

⁶ См.: Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch* [Электронный ресурс]. URL: <https://indo-european.info/pokorny-etymological-dictionary/whnjs.htm> (дата обращения: 08.10.2019).

⁷ Там же.

⁸ При первобытнообщинном строе ... старчески слабого мужчину называли словом дѣдь – это один из предков, которым поклонялись, или отец родителей, которому морально во всем подчинялись [3, с. 89].

⁹ См.: Eald [Электронный ресурс] // An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth / ed., enl. T. T. Northcote. Vol. 1–5. URL: https://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_bosworthtoller_about.html (дата обращения: 20.09.2019).

Изменение характера обозначений людей по их возрасту согласуется с утверждением о том, что «развитие лексической системы национального языка неразрывно связано с процессом когнитивной деятельности человека, в результате которого появляются новые представления об окружающем мире и новые названия для этих представлений» [2, с. 64]. Эволюция возрастных наименований в группе обозначений людей пожилого возраста в английском языке шла, с одной стороны, по пути утраты андроцентричности, а с другой, по пути эвфемизации. В начале 1980-х гг. в США провели опрос группы людей 65-ти лет и старше с целью выяснить, какие номинации своего возраста они бы выбрали. Опрос содержал такие названия, как *senior citizen, retired person, mature American, elderly person, middle-aged person, older American, golden ager, old timer, aged person, old man / old woman*. Наименование *senior citizen* предпочла одна треть протестированных, больше половины опрошенных остановили свой выбор на *mature American* [6]. В то время Фрэнк Нюссел, американский лингвист и психолог, предложил использовать субстантив *the elderly* «пожилые», который, по его мнению, был наиболее подходящим, поскольку не имел дополнительной коннотации и не был связан с каким-либо подтекстом [6, с. 273]. Позднее с ним не согласилась Эштон Эпплвайт (Ashton Applewhite), писательница и активистка движения против дискриминации по возрасту. Она считала это наименование слишком обезличенным, не предполагающим каких-либо умозаключений относительно обозначаемых людей. С её взглядом совпало мнение Джона Роуи (John Rowe), профессора Колумбийского университета, который рассматривал субстантив *the elderly* как собственно демографический термин. Характеристика людей солидного возраста с точки зрения их принадлежности к определённой демографической группе и многократное использование данного

слова в названиях социальных служб, фондов помощи и тому подобного породили ассоциации номинативного комплекса *the elderly* с беспомощными и недееспособными людьми¹. Следует заметить, что номинативный комплекс *third age* также оказывается замкнутым рамками демографического дискурса.

Если рассматривать возраст как континуум возрастных состояний, как это предлагает делать Э. Эпплвайт, то субстантивы *olders* и *youngers* являются наиболее приемлемыми, поскольку каждый человек одновременно старше и моложе кого-нибудь².

В русском языке так же, как и в английском, наблюдается тенденция к эвфемизации наименований людей старшего возраста. Уже в словаре В. И. Даля присутствуют слова *пожилой (человек)* «подстарок, близкий к 50-ти» и *пожилуха* «пожилая женщина». Синонимический ряд дополняют лексические единицы *в возрасте, в годах, в летах*. В начале XXI в. появились новые обозначения пожилых людей: *серебряный возраст, третий возраст*.

Несмотря на то, что в современном английском языке субстантив *elder(s)* < да. *ealdor* «старший, глава семьи, главный» сохраняет древнюю аксиологическую характеристику возраста как ценности или власти, и потому его не включают в список рекомендуемых наименований старшего возраста, Британский национальный корпус регистрирует 1412 употреблений возрастной номинации *the elderly*, из которых 395 случаев приходится на академический дискурс. В научном дискурсе данная номинация служит обозначением академического знания о рассматриваемой возрастной группе в специальной области – социальных на-

¹ Graham J. 'Elderly' No More // The New York Times: [сайт]. URL: <https://newoldage.blogs.nytimes.com/2012/04/19/elderly-no-more> (дата обращения: 08.10.2019).

² Graham J. 'Elderly' No More // The New York Times: [сайт]. URL: <https://newoldage.blogs.nytimes.com/2012/04/19/elderly-no-more> (дата обращения: 08.10.2019).

уках (291 пример), медицине (74 примера), политологии (25 примеров), т. е. используется как термин¹. В американском национальном корпусе журнальный дискурс сближается с академическим (медицинским) по числу употреблений этого субстантива (1271 против 1297). И в том, и другом типах дискурса *the elderly* также используется как терминологическое обозначение возрастной группы. Американский национальный корпус фиксирует неуклонное снижение употреблений субстантива *the elderly*: с 18,2 словоупотреблений на 1 миллион слов в 1990 г. до 5,41 в 2017 г.². Распределение употреблений субстантива *the elders* «старшие; предки» в Британском и Американском корпусах по дискурсам различно. В Британском корпусе наибольшее число употреблений приходится на научно-популярный дискурс, в то время как в Американском корпусе этот субстантив чаще регистрируется в академическом дискурсе. Что касается предложенного Эштон Эпплвайт слова *the olders*, то оно отсутствует в Британском корпусе³; Американский корпус регистрирует 7 его употреблений в беллетристике, 5 из которых относятся к дискурсу научной фантастики, в котором они служат обозначением древних людей. Остальные 2 примера, регистрируемые 2001 и 2002 гг., демонстрируют использование *the olders* в качестве собирательной номинации, семантика которой осложнена признаком почтения. Согласно данному корпусу, субстантив *the olders* не встречается в речевой практике в период с 2005 по 2017 гг.⁴.

¹ British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc> (дата обращения: 20.09.2019).

² Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 20.09.2019).

³ British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc> (дата обращения: 20.09.2019).

⁴ Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 20.09.2019).

Человек, вышедший на пенсию, в британском английском обозначается словом *pensioner*, а в американском английском *retiree*. Британский национальный корпус регистрирует 591 случай употребления существительного *pensioner* и только 8 – существительного *retiree*⁵. В Американском национальном корпусе зафиксирована 1000 употреблений слова *retiree* и 117 слова *pensioner*, использование которого, как следует из содержащихся в корпусе данных, неуклонно снижается⁶. И в том, и в другом корпусах приведённые номинации преобладают в газетном дискурсе.

В современном русском языке субстантив *пенсионер* функционирует как демографический термин, значение которого определено следующим образом: «лицо, получающее пенсию», – из чего следует, что финансовая поддержка со стороны государства служит ведущим признаком номинации всей группы людей. Обезличенность номинации, как полагают, приводит к тому, что лексема *пенсионер* становится «обесценивающим словом»⁷. В дискурсе СМИ рассматриваемое слово нередко встречается в одном контексте с такими лексическими единицами, как *божий одуванчик*, *шустрый* и тому подобное; контекстное употребление становится выражением неуважения «не только к старшим, но и просто к личности, переступившей пенсионный возраст»⁸.

⁵ British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 20.09.2019).

⁶ Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 20.09.2019).

⁷ Коркина Т. О. «Божий одуванчик» саженью в плечах, или про дискриминацию по возрасту // Газета «Вечерний Ставрополь»: [сайт]. URL: <http://vechorka.ru/article/bozhij-oduvanchik-sazhenyu-v-plechah-ili-pro-diskriminatsiyu-po/> (дата обращения: 20.08.2019).

⁸ Коркина Т. О. «Божий одуванчик» саженью в плечах, или про дискриминацию по возрасту // Газета «Вечерний Ставрополь»: [сайт]. URL: <http://vechorka.ru/article/bozhij-oduvanchik-sazhenyu-v-plechah-ili-pro-diskriminatsiyu-po/> (дата обращения: 20.08.2019).

Обозначения отдельных представителей рассматриваемой возрастной группы, сочетающие в своей семантике гендерный и отрицательный оценочный признаки, встречаются значительно реже. В Британском корпусе наименование *geezer / old geezer* «старикашка» регистрируется 96 раз и преобладает в повседневном (разговорном) дискурсе¹; Американский корпус наибольшее число употреблений этого субстантива относит к дискурсу художественной литературы (136 случаев из 259)². Маскулинные номинации *old goat* «старый развратник» и *dirty old man* в том же значении, согласно Американскому корпусу, преобладают в газетном и художественном дискурсах. Фразеологизм *old goat*, по данным Британского корпуса, не встречается в журнальном дискурсе, тогда как *dirty old man* используется и в газетном, и в художественном дискурсах.

Феминная номинация *beldam* «стару-

ха, старая карга» зарегистрирована только в Американском корпусе. По данным обоих корпусов, слово *crone* «старуха, старая карга» чаще всего используется в художественном дискурсе и особенно в современном мистическом дискурсе и дискурсе фэнтези.

Номинация людей по их возрасту отражает социальные отношения в обществе и представления о значимости той или иной возрастной группы. Динамика возрастных наименований в английском и русском языках заключалась в движении от андроцентричных номинаций к номинациям, лишённым гендерного признака и обладающим значительной степенью эвфемизации. При этом обозначения отдельных представителей пожилого возраста не только сохраняли гендерный признак, но и приобретали отрицательную характеристику. Смысловое единство «возраст + пригодность для определённой деятельности» типично для номинаций древнего периода, но отсутствует в названиях возрастных групп в современных языках.

Статья поступила в редакцию 21.10.2019

¹ British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 20.09.2019).

² Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 20.09.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова Е. В., Попова Л. Г. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–3 (53). С. 40–43.
2. Гринёв-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. Полисемия в общепотребительной и в специальной лексике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 51–64.
3. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 312 с.
4. Митев Д. Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков). Велико Търново: Фабер, 2012. 552 с.
5. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 1. М.: В Университетской Типографии, 1846. 494 с.
6. Nuessel F. Jr. The language of ageism // The Gerontologist. 1982. Vol. 22. Iss. 3. P. 273–276.

REFERENCES

1. Biryukova E. V., Popova L. G. [On development trends of modern comparative-historical, typological and contrastive linguistics]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 11–3 (53), pp. 40–43.
2. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A. [Polysemy in general and special vocabulary]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 4, pp. 51–64.

3. Kolesov V. V. *Mir cheloveka v slove Drevnei Rusi* [The world of man in the word of Ancient Russia]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1986. 312 p.
4. Mitev D. *Kategoriya vozrasta v aspekte nominativnoi deyatelnosti yazyka (na materiale russkogo i bolgarskogo yazykov)* [Age category in the aspect of the nominative activity of the language (based on the Russian and Bulgarian languages)]. Veliko Tarnovo, Faber Publ., 2012. 552 p.
5. Pogodin M. P. *Izsledovaniya, zamechaniya i lektsii o russkoi istorii. T. 1* [Research, comments and lectures on Russian history. Vol. 1]. Moscow, Universitetskaya Tipografiya Publ., 1846. 494 p.
6. Nuessel F. Jr. The language of ageism. In: *The Gerontologist*, 1982, vol. 22, iss. 3, pp. 273–276.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чупрына Ольга Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Московского городского педагогического университета;
e-mail: ochupryna@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga G. Chupryna – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of English Philology, Moscow City University;
e-mail: ochupryna@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чупрына О. Г. Особенности номинации по признаку *молодой – старый* в языке и дискурсе (на материале английского и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 1. С. 130–137.
DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-130-137

FOR CITATION

Chupryna O. G. Age names based on opposition ‘young – old’ in the English and Russian languages and discourses. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 1, pp. 130–137.
DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-130-137